

ке и, наконец, оказался в британской тюрьме, что обеспечило ему триумфальное возвращение в Россию в конце 1917 г. Как установила Томас, Чичерин был вызволен из тюрьмы (в обмен на задержанного большевиком британского посла Бьюкенена) не без поддержки В.И. Ленина. Несмотря на некоторые разногласия, их сближали выступления против войны, пораженчество, желание бороться за мировую революцию, враждебное отношение к германской социал-демократии (с. 58, 64–65, 75, 80, 88, 96–97). К тому времени Чичерин уже примкнул к РСДРП(б). В мае 1917 г., когда в Советах преобладали меньшевики и победа большевиков была еще далеко не очевидной, он написал И.М. Майскому: «В эпоху революции надо быть горячим или холодным, нельзя быть теплым... Я все больше прихожу к убеждению, что меньшевики – это жирондисты русской революции и их ждет судьба жирондистов... Мне с ними не по пути. Война меня многому научила, и сейчас все мои симпатии на стороне русских якибинцев» (с. 69). Этим Чичерин определил свою дальнейшую судьбу. 29 января 1918 г. он был назначен заместителем наркома иностранных дел, а 3 марта, после подписания Брестского мира, стал исполняющим обязанности наркома (утвержден в должности в мае 1918 г.).

«Поставив крест на своем семейном прошлом», Чичерин «со страстью отдался новому миру», начал «жить по-пролетарски» – дешевые костюмы, скромная еда и т.д. (с. 57). Однако постепенно в нем нарастали внутренние противоречия, происходило своего рода раздвоение личности. С одной стороны, «щекотавшая самолюбие возраставшая популярность Чичерина после Генуи и Рапалло», с другой – его возмущенные письма с протестами против действий ОГПУ (с. 158–169). Томас не ставила перед собой задачу создать всеобъемлющую картину советской внешней политики. Но сделанные ею зарисовки красноречиво свидетельствуют о силе личности Чичерина и его роли в принятии важных для СССР решений (с. 137–147, 166, 202–223,

231). Еще при Ленине он начал критиковать бессмысленные выступления и «бряцания оружием» руководителей Коминтерна, из-за которых приходилось сочинять бесконечные дипломатические ноты с объяснениями причин «искаженного цитирования» партийных деятелей на страницах печати (с. 232). «Я не могу быть политиком правительства, эксплуатирующего угнетенные народы, это было бы крахом нашей мировой политики», – писал он Сталину в мае 1925 г. (с. 189). Переживания Чичерина отразились также в его переписке с В.И. Лениным, А.А. Иоффе, Л.М. Караханом, А.М. Коллонтай, В.Л. Коппом, Н.Н. Крестинским. В 1925 г. Сталин поручил Г.Е. Зиновьеву, возглавлявшему Коминтерн, «взять под контроль» заседания коллегии Наркомата иностранных дел, угрожающе заметив: «Я думаю, что пока можно этим ограничиться!» (с. 189). По мнению Томас, Сталин «мог бы стать идеальным потребителем зрелой чичеринской мудрости», если бы «нарком согласился на роль придворного шута» (с. 177), однако это было исключено в силу его воспитания.

21 июля 1930 г. Президиум ВЦИК удовлетворил письменную просьбу Чичерина об освобождении его от обязанностей наркома в связи с уходом на пенсию. Неизлечимая хроническая болезнь преследовала его всю жизнь, но не мешала успешно вести дела. Теперь же он буквально задыхался в душливой атмосфере «сталинизма». Ошибки Сталина в международной политике вызывали горечь и раздражение у опытного дипломата, а разочарование в идеалах социалистического общества обостряло мучительные приступы болезни. Не помогало и частое обращение к музыке. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Во время скромной гражданской панихиды 7 июля 1936 г. замнаркома Крестинский «по приказу» Сталина дал негативную оценку деятельности Чичерина (с. 263).

И.М. Пушкарева,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М.: Книжица; Русский путь, 2010. 480 с.

Яркая судьба и литературное наследие Василия Витальевича Шульгина, выдающегося политического деятеля, писателя, консервативного мыслителя России XX в. сегодня являются предметом исторических и

общественно-политических исследований¹. Несколько лет назад в печати появились первые публикации документальных материалов о его жизни, в том числе посвященных самому трагическому ее периоду – аресту, принуди-

тельной репатриации, пребыванию под следствием и в заключении в 1945–1956 гг.² До настоящего времени они носили единичный характер. Именно поэтому важным событием в этой области следует считать вышедший в свет благодаря издательству «Русский путь» сборник документов, в который вошли материалы следственного дела и дела заключенного Шульгина, ранее неизвестные широкой научной общественности.

Своеобразным «путеводителем» по трудным жизненным дорогам Шульгина становятся данные его показаний в ходе многочисленных допросов, проводившихся органами военной контрразведки и госбезопасности в 1945–1947 гг. Поднимаемый в них круг событий и сюжетов, которые по логике следствия должны были изобличить контрреволюционные и антисоветские взгляды и деяния Шульгина, весьма широк и охватывает самый сложный и драматичный период истории России первой половины XX в. Обращаясь к ранней, дореволюционной общественно-политической деятельности Шульгина, следователи стремились установить истоки и сущность его монархических взглядов, обстоятельства участия в работе Государственной думы, правых политических объединений и союзов, связь с наиболее видными государственными и политическими деятелями Российской империи. Все это в контексте допросов выступало как предпосылки и мотивы к вступлению подследственного на путь антисоветской борьбы. Несравнимо большего внимания заслуживает собственно «состав» преступления: позиция Шульгина в связи с началом революции в России, его непосредственное участие в Гражданской войне, роль в Белом движении и в политической эмиграции, личные контакты с их лидерами. К ряду вопросов следствие возвращается неоднократно (известный прием, когда подследственного заставляют рассказывать об одних и тех же событиях, стремясь выявить противоречия в показаниях). Особенно интересуют следователей деятельность Шульгина во главе белогвардейской разведывательной организации «Азбука», связи с представителями иностранных военных миссий, членство в Русском общеимперском союзе (РОВС) и отношении к его активным антисоветским мероприятиям, участие в работе Народнотрудового союза нового поколения (НТСНП). Таким образом, можно проследить, как в ходе следствия уже формировались главные пункты обвинения, понять технику работы тех, кто вел дело Шульгина. Основу доказательного материала составили и его литературные труды, в которых автор не скрывал своих взглядов, а порой весьма откровенно описывал реальные

обстоятельства личного участия в борьбе против большевиков. Поэтому в некоторых случаях темой для допросов становится собственно содержание произведений Шульгина. Так, восклицание «Пулеметов!...» в «Днях» стало для следователя свидетельством его радикальных контрреволюционных настроений, а «Армия в сюртуках» – апологией террористической борьбы РОВС против СССР.

Любопытный поворот в деле был связан с работой Шульгина начала 1930-х гг. «Пояс Ориона». В ней автор предположил, что советская власть в России может быть свергнута при помощи Германии и Японии, что в дальнейшем сделает возможным военно-политический союз трех государств. Следствие не располагало этим текстом (он оказался утраченным), но получило сведения о нем из показаний видного идеолога и лидера НТСНП М.А. Георгиевского, который в свое время пытался донести эти идеи до высших политических кругов нацистской Германии. Так в обвинительном заключении Шульгина возник пункт о провоцировании руководства Германии к нападению на СССР в 1936 г.

Специфика следственных документов как источника открывает для исследователя новые возможности в области социальной истории. Построение и логика допросов, вопросы, занимающие следователей и их реакция на получаемые ответы обнаруживают все менее понятные нам по прошествии десятилетий, но очевидные для той исторической эпохи императивы, господствовавшие в восприятии политической жизни и в отношениях между властью, обществом, отдельными его членами. Следственные протоколы наглядно демонстрируют столкновение разных эмоциональных пространств, разных ментальностей следователей и подследственного. Рассказывая о своих дореволюционных политических взглядах, думской деятельности, отношении к революции, участию в Белом движении и сотрудничестве с его руководителями, жизни в эмиграции и работе в эмигрантских организациях, Шульгин определенно смотрит на них как на историческое прошлое, давно минувшее и связанное с реальностью весьма опосредованно. Но для допрашивающих его офицеров СМЕРШ и МГБ не подлежит сомнению, что любое былое деяние Шульгина, любой этап его личной и политической биографии, любой факт его принадлежности к антисоветскому лагерю или враждебной идеологии являются не просто предосудительными, но и заслуживающими возмездия в настоящем. Итогом такого противостояния становятся пункты обвинительного заключения 1947 г. и суровая мера наказания – 25 лет тюрьмы – ставшая для

69-летнего осужденного полной неожиданностью. На этом фоне посланием из иной, новой исторической эпохи выглядит заключение по материалам уголовного дела В.В. Шульгина, сделанное в 2001 г. Российское правосудие не усмотрело в его деятельности никаких признаков преступлений. По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12 ноября 2001 г. Шульгин был реабилитирован.

Иной вид документов представляют материалы дела заключенного Особой тюрьмы МВД во Владимире – знаменитого Владимирского централа. В заявлениях Шульгина администрации, последующих резолюциях и переписке получила отражение тяжелая повседневная жизнь в местах лишения свободы того времени. Здесь же отражена осторожная, но настойчивая борьба Шульгина за право заниматься в тюрьме литературным творчеством и печальная судьба его рукописей, которые были сожжены. Эти сугубо формальные, казенные документы, касающиеся условий жизни и режима содержания заключенного Шульгина, позволяют рассмотреть смену эпох, происходящую в стране с середины 1950-х гг. Весной 1955 г. Шульгину разрешают переписку с родственниками, живущими за границей, а затем и получение почтовых посылок. В конце 1954 г. администрация тюрьмы впервые обратилась с ходатайством об освобождении престарелого и больного Шульгина, которое тогда не было поддержано коллегией Владимирского областного суда. Массовая кампания досрочных освобождений и реабилитаций только развертывалась, и до Шульгина очередь дошла в сентябре 1956 г. Решение о его судьбе принималось на высоком государственном уровне, и для самого Шульгина известие об освобождении стало такой же неожиданностью, как и приговор.

В качестве особой заслуги авторов-составителей (они же публикаторы) необходимо отметить вступительную статью, которая может считаться серьезным научным трудом. Качество цельного исторического исследования издание приобретает также благодаря обширному научному комментарию к текстам документов. В справочных статьях представлены важнейшие государственные институты, политические партии и объединения, идейные течения, воинские и конспиративные организации, печатные органы дореволюционных лет, периода Гражданской войны и Русского зарубежья, которые упоминаются в следственных

документах. Не менее интересна галерея персоналий, в которой нашлось место видным общественным деятелям – политикам, военным, литераторам, знавшим Шульгина и известных ему, единомышленников и оппонентов. Особенно насыщенной делает картину множество кратких, но не менее значимых справок о едва известных участниках событий: белых офицерах – сотрудниках разведоргана «Азбука», чекистах – организаторах и исполнителях легендарной операции «Трест», впоследствии ставших жертвами «ежовщины», функционерах эмигрантских организаций, родственниках и близких Шульгина и многих других, чьи судьбы ярко окрашены светом эпохи.

Думается, что значение рецензируемого издания выходит за пределы анализа жизни одного человека, даже столь интересного, как Шульгин. Опубликованные документы и связанные с ними материалы действительно представляют ценность для исследователей в весьма широком пространстве проблем. Среди них политическая жизнь дореволюционной России, борьба Белого движения и военной эмиграции, операции советских спецслужб, история политических репрессий. Однако феномен личной и политической биографии Шульгина состоит именно в том, что в ней с особенной полнотой и в необычайных деталях отразились судьбы России в XX в.

И.Н. Гребенкин,
кандидат исторических наук (Рязанский
государственный университет
им. С.А. Есенина)

Примечания

¹ См.: *Репников А.В.* От сумы и от тюрьмы... (Послевоенная судьба В.В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний) // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2009. № 2. С. 98–119; *Репников А.В., Христофоров В.С.* Василий Витальевич Шульгин // *Российская история*. 2009. № 5. С. 155–169; *Репников А.В., Гребенкин И.Н.* Василий Витальевич Шульгин // *Вопросы истории*. 2010. № 5. С. 125–140.

² См.: В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из Архива ФСБ // *Новая и новейшая история*. 2003. № 4. С. 64–111; Из архивного следственного дела № Р-48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича // *Консерватизм в России и мире*. В 3 ч. Ч. 3. Воронеж, 2004. С. 162–182.